

1989, 23 июня

Дм. ХРЕНКОВ

(Окончание. Начало в номерах за 12, 13, 16, 19 и 21 июня)

Инна Эразмовна старалась привить детям любовь к литературе, к стихам. Правда, первыми из ее уст Анна услышала строки не Пушкина, тень которого витала в парках Царского, а Некрасова. Но важно, что книга с ранних лет была для Анны не учебником, по которому нужно было заниматься в гимназии, а приглашением в дальние дали, к чему-то очень важному, дававшему простор воображению и мечтам. Вспомним: Пушкин называл Царское Село Отечеством — и не только для одного себя, а для всех, кто пробует перо.

Он провел в Царском прекрасные годы, здесь созрел его гений. Сюда к Пушкину из Павловска приходил Гоголь, чтобы прочесть страницы «Вечеров на хуторе близ Диканьки», на которых еще не просохли чернила. 13 декабря 1834 года в Царское, в лейб-гвардии гусарский полк, прибыл только что произведенный в корнеты Лермонтов, а еще через три года здесь, на квартире Лермонтова, будет произведен обыск в поисках «крамольных» стихов, сочиненных на смерть Александра Сергеевича.

Часто ли мы задумываемся над тем, как и почему иные места на земле становятся для миллионов людей святыми? Одни навсегда запечатлевают в своей памяти красоты природы. Другие отдают им свою любовь за то, что родились именно на этой земле. Третьи с восторгом вспоминают знаменитых земляков. Но особенно ценится труд, преобразующий обычную землю в подлинное величие. Говоря о городе Пушкине, мы должны иметь в виду все эти слабые. Действительно, место для мызы в свое время было выбрано прекрасное. И все же красоты Пушкина — рукотворные. Эти рощи и озера, парки и здания свидетельствуют о неутомимости и талантливости рук крепостных, художников и архитекторов, всласть потрудившихся тут. Об этих местах так много написано в русской литературе, что, пожалуй, ни один из нас, даже случайно ступивший на эту землю, не может не вспомнить хотя бы строки, мельком прочитанной в детстве.

Город Пушкин в годы Великой Отечественной войны стал полем боя. Здесь три долгих года хозяйничали гитлеровцы. С непостижимым для нормального человека упорством они пытались стереть с лица земли все, что было предметом гордости нашего народа. Кажется, они преуспели, как никакие другие вандалы, прошедшие за историю человечества по земле. Помню, в 1944 году мы вошли в город, в котором не было не только дома, но, кажется, кирпича, не раненого пулей, осколком. Сердце кровью обливалось от боли. Но — странное дело! — открываясь, взору картина рождала не отчаяние, а какое-то иное чувство. После мы нашли ему точное название — вера! Да, солдаты, защищавшие Ленинград, обильно окропившие собственной кровью всю дальнюю дорогу к Победе, не сомневались, что наступит пора возрожденной красоты.

Так оно и случилось.

Как-то Ахматова рассказывала, что долго не могла прийти в себя после первого посещения освобожденного Пушкина. Тогда (11 июня 1944 года) она выступала здесь по радио, а потом крайне неохотно принимала приглашения посетить восстанавливаемый город. Она не была суеверной. Но слишком дороги для нее были эти места, так много было связано в ее душе с ними, что она не могла, не хотела подвергать себя мукам. И все-таки она чутко слушала вести, шедшие из бывшего Царского. Добрые вести помогали ей жить, и она снова и снова вспоминала места, где прошла ее юность и где она познала первую настоящую радость, когда увидела, что ее слово, занесенное на бумагу, способно тронуть сердце другого человека. Здесь судьба свела ее с Н. С. Гумилевым.

Первыми ее воспоминаниями о жизни, как писала она, навсегда останутся «царскосельские: зеленое, сырое величие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошади, старый вокзал...». Пятнадцать лет она прожила в одном доме, что стоял на углу Широкой улицы (ныне улица Ленина) и Безымянного переулка. Дом рухнул еще в 1905 году, рухнул от старости, но, видимо, потому, что он был стар, во всех его углах гнезилось что-то таинственное, о чем рассказать можно было, пожалуй, только стихами. Когда Анна Андреевна в один из своих приездов в Пушкин увидела новую Привокзальную площадь, где некогда стоял дом, в котором она выросла, ей захотелось вспомнить те далекие времена. Она даже взялась за очерк, назвав его «Дом Шухардиной».

«Дом темно-зеленый, с неполным вторым этажом (вроде мезонина). В полуподвале мелочная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений. С другой стороны (на Безымянном), тоже в полуподвале, мастерская сапожника, на вывеске сапог и надпись: «Сапожник Б. Неволин».

Набросков очерка сохранилось довольно много. Иные из них до сих пор хранятся в архивах, не напечатаны, другие увидели свет в двухтомнике сочинений Ахматовой.

«Дому было 100 лет, — читаем в другом отрывке. — Он принадлежал похожей на рысь купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной, странными нарядами которой я любовалась в детстве... Говорили, что когда-то, до железной дороги, в этом доме было нечто вроде трактира или заезжего двора при въезде в город».

Еще в гимназическую пору Ахматова пыталась вникнуть в историю дома. Ей казалось, что история запечатлена на обоях. «Я обрывала в моей желтой комнате обои (слой за слоем), и самый последний был диковинный — ярко-красный. Вот эти обои были в том трактире сто лет назад, — думала я».

«Мимо дома, — писала Анна Андреевна в другом наброске очерка, — примерно каждые полчаса проносятся к вокзалу и от вокзала целая процессия экипажей. Там все: придворные кареты, рысаки богачей, полицмейстер барон Врангель стоя в санях (или пролетке) и держащийся за пояс кучера, флигель-адъютантская тройка, просто тройка (почтовая), царскосельские извозчики на «браковках». Автомобилей еще не было».

«...А иногда по этой самой Широкой от вокзала или к вокзалу, — читаем еще в одном наброске, — проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов. Несли зажженные фонари, священники кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры... и господа в цилиндрах. В каретах, следующих за катафалком, сидели важные старухи с приживалками, как бы ожидающие своей очереди, и все было похоже на описание похорон графини в „Пиковой даме“».

Она предельно точна в описаниях. И не только в прозе, которая появится в зрелые годы, но и в юношеских стихах. Сегодня они прочитываются как записи в дневнике:

По аллее проводят
Длинные волны расчесанных грев,
О, пленительный город загадок,
И печальна, тебя полюбив.

Или:

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым иллом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.
И моют светлые дожди
Его запекшую рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморно стану.

Перечитывая известные стихи, мы, конечно, понимаем, что Ахматова главное видела не в том, чтобы запечатлеть дорогие ее сердцу картинки, а передать состояние души. И это лучше получилось, когда она могла слить себя с окружающей землей.

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.
Над засохшей повилюкою
Мягко плавают пчелы;
У пруда русалку иликаю,
А русалка умерла.
Затянулся ржавой тиной
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиной
Легкий месяц заблестел.
Замечаю все как новое
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу готова
Снова стать тобой, земля.

Наверное, эти строчки следовало приводить прежде всего в доказательство не остроты зрения автора, а его умения в малом выразить большое. Стихотворение призвано глубоким философским осмыслением жизни, отточенностью формы, что не дается любому человеку посредством упрощений, как грамота. Поэтами рождаются. И трижды будь благословенна земля Царского Села за то, что она стала питательной средой, позволившей подняться к вершинам духа многим русским литераторам!..